

ПЕРВЫЙ ЗА 100 ЛЕТ СЛУЖИТЕЛЬ ЦЕРКВИ В РАНГЕ ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТА РАН ДАЛ ИНТЕРВЬЮ «МК»

Событие из разряда невероятных произошло на днях в Кольском научном центре РАН. Очередным руководителем здесь избран... диакон Санкт-Петербургской церкви Великомученика Пантелеймона Сергей Кривовичев, он же заведующий кафедрой кристаллографии Института наук о Земле СПбГУ.

Кто-то сразу скептически ухмыльнется: «Священник — руководитель научного центра?! Так вот до чего докатилась наша наука вместе с ФАНО!» Но подождите злорадствовать... Как рассказали мне люди из Академии наук, знающие Сергея Владимировича, «этот священник — тот, какой надо священник». «МК» решил познакомиться с ним поближе.

Это, пожалуй, редчайший случай удивительного объединения религии с наукой. За плечами 44-летнего православного ученого — геологический факультет СПбГУ, стажировка в США и Германии, Австрии и Швейцарии, Франции, защита докторской диссертации, создание более 400 типов синтетических материалов. В 2010 году мой собеседник был приглашенным профессором в Лилльском университете (Франция). В настоящее время он имеет пять патентов на технологические разработки, 670 научных публикаций тоже связаны с его именем, в конце концов индекс Хирша (публикаций и цитируемости) у него высочайший — 34! Таким может похвастаться не каждый академик. Кстати, Сергей Владимирович осенью прошлого года был выдвинут своим институтом в члены-корреспонденты РАН, его кандидатуру поддержали несколько академиков из отделения наук о Земле РАН: Николай Соболев, Сергей Вотяков, Асхаб Асхабов.

Не иначе как Бог помогает ему все успевать: служа в церкви по праздничным дням, Кривовичев успевает заведовать кафедрой в университете, а также работать главным сотрудником в Центре наноматериаловедения Кольского научного центра РАН. К тому же он — член Национального комитета кристаллографов России, член Совета по грантам Президента РФ, вице-президент Российского минералогического общества и только в прошлом году сложил свои полномочия в качестве президента Международной минералогической ассоциации, которую он возглавлял два года подряд. «Да на все это жизни не хватит! — скажут многие. — Наверное, у него в личном плане пробел?» И ошибутся, потому что у избранного руководителя КНЦ РАН дом полная чаша и семеро здоровых и талантливых отпрысков.

Мой звонок застал его по приезду на дачу, как раз для общения с любимой семьей, но Сергей Владимирович все-таки согласился ответить на все мои вопросы.

Вера

— С 1917 года — вы первый священнослужитель, избранный в члены РАН?

— Пожалуй, так и есть. До революции много было академиков, в основном, конечно, по гуманитарным наукам. К примеру, архиереи, которые занимались историей Церкви, догматикой, богословием. А как представитель Православной Церкви, специализирующийся в естественных науках, думаю, что я вообще первый.

— Что было первично в вашей жизни — наука или религия? Как произошло, что вы совместили в своей жизни эти, казалось бы, несовместимые сферы деятельности?

— Я не считаю их несовместимыми. Наука создавалась верующими людьми. Исаак Ньютон, Леонард Эйлер, Майкл Фарадей, Макс Планк, бельгийский католический священник, астроном и математик Жорж Леметр, гуру программирования Дональд Кнут, руководитель работ по расшифровке генома Фрэнсис Колинз и многие другие — все они верующие люди.

Ну а если говорить о том, что было для меня первично, — это наука. Я вырос в семье ученых: отец — минералог, мама — кристаллограф (а я являюсь и минералогом, и кристаллографом). Родители не были верующими и всеми силами пытались отговорить меня от походов в церковь и вообще от религии, к которой я развернулся, будучи на последнем году обучения в школе. Я учился в 45-м интернате (сейчас это академическая гимназия при Санкт-Петербургском университете), и у нас была очень хорошая учительница по литературе Елена Георгиевна Полубояринова. Она привела меня и моих друзей к вере через русскую литературу, через Достоевского, поэтов Серебряного века.

— Что помогла понять вам вера в Бога? Мне представляется, что должно быть какое-то откровение?

— Это было для меня какое-то другое измерение, я понял, что это как раз то, чего мне не хватало. Внутренне я именно к этому шел. Мне стал понятен смысл жизни и смысл смерти. Наверное, каждый ребенок задается такими вопросами: ну вот я умру и что дальше? Сохранится ли мое сознание или ничего от меня не останется?

— Родители были против ваших посещений храма?

— Увы, да. Пришлось преодолеть сопротивление с их стороны, были долгие дебаты и даже слезы. Они говорили: «Не нужна тебе Церковь!», — считали, что я должен учиться, защищать диссертации. Что я, кстати, тоже делал: сначала защитил кандидатскую, потом докторскую. Я хотел, чтобы они были довольны.

— Надеюсь, они остались довольны в итоге?

— Думаю, они вполне счастливы. Нас двое сыновей — оба ученые — плюс семь внуков. Я был бы очень рад такому раскладу. Мы вообще не разделяем себя на «нас» и «их» — у нас одна семья.

— Некоторые считают, что ученые, особенно естественники, задают с точки зрения Церкви слишком много лишних вопросов, ответы на которые надо было бы просто принять на веру, например о сотворении Вселенной.

— У науки есть много вопросов, на которые она не может дать ответ, ее компетенции не хватает ответить на них.

— К примеру, о природе Большого взрыва, после которого образовалась наша Вселенная?

— Да. Непонятна причина этого взрыва, что предшествовало появлению материи, времени и пространства? Современные инфляционные теории дают разные ответы на вопрос «как», но не отвечают на главный вопрос — «почему все существует?» Это уже вопросы, выходящие за рамки науки.

— А то, что, собственно, со взрыва все началось, вы принимаете?

— Да, я принимаю все данные науки, которые уже есть и доказаны, и не вижу смысла им не доверять.

— И дарвинизму...

— А почему я должен его отрицать? Эволюция в принципе не противоречит Священному Писанию.

— Но ведь там говорится о сотворении человека и нет ни слова про обезьяну...

— Говорится, что Бог создал Адама из праха земного. Это можно толковать по-разному. Прозрения святых отцов касались духовной сферы и не касались детально того, как устроен мир. У них мы не найдем информации ни о нейтроне, ни о протоне, ни о планетарной модели атома. Понятия мироздания даны нам в виде красивых образов. Биологически человек является частью природы, но при этом он не животное, он гораздо выше, потому что у него есть бессмертный дух, который появился у нас в какое-то время. Есть даже теория трех Больших взрывов: первый взрыв — возникновение материи, времени и пространства, второй — жизни, третий — сознания.

— Наверняка вы не раз беседовали с археологами и антропологами на эти темы. Между вами не возникало разногласий?

— В чем может быть разногласие? Наука ведь не опровергает факта, что в какой-то момент в истории человечества произошел скачок, когда стали появляться наскальные рисунки и прочие проявления творческой и сознательной деятельности...

Наука

— Чем вас привлекла минералогия?

— У меня были очень хорошие учителя в Санкт-Петербургском университете, которые привили мне интерес к минералогии и кристаллографии. Это Станислав Константинович Филатов, я застал также Виктора Альбертовича Франк-Каменецкого, Иллариона Илларионовича Шафрановского. Эти науки всегда привлекали меня именно своей красотой — с одной стороны, математической точностью, с другой — тесной связью с природой, с веществом. Кроме фундаментальных исследований мы занимаемся синтезом новых материалов, в частности недавно разработали новые сорбенты для радиоактивных отходов. Наши материалы опробованы на реальных радиоактивных отходах в российской Арктике, в частности именно с этой темой связан мой интерес к Кольскому научному центру и, я надеюсь, его ко мне. В начале 2000-х в Америке была развернута большая программа по утилизации радиоактивных отходов, и именно там, находясь на стажировке, я погрузился в эту тему.

— За что в 1999 году вы получили медаль РАН для молодых ученых?

— Это были мои первые кандидатские работы по созданию нового раздела кристаллохимии о соединениях анионоцентрированных тетраэдров. Эти исследования выросли из исследования минералов из Толбачинского извержения на Камчатке. Там были очень интересные минералы меди с необычным строением: в центре находился кислород, а по вершинам атомы меди. Мы сделали обратную кристаллохимию к традиционной — раньше, как правило, в центр ставили металл, а по вершинам — атомы кислорода.

— Какая из полученных за все время наград для вас самая ценная?

— Наверное, Премия Президента и, конечно же, избрание членом-корреспондентом РАН в 2016 году. Это очень почетно, для российского ученого нет лучше награды.

— Студенты не задают вам провокационных вопросов?

— Ни разу такого не было. Ребята к нам приходят воспитанные, всегда подбирается очень хороший контингент.

— Вы создаете новые вещества — это не идет вразрез с религией? Ведь Бог — создатель.

— Ну какое здесь может быть противоречие, ведь Он создал нас по Своему образу и

подобию, и своей работой мы реализуем тот потенциал, который был заложен в нас Творцом. Противоречие есть с атеизмом: пусть он объяснит нам, откуда у человека творческие способности?

— В чем смысл науки?

— Познание природы и места человека в этом мире. Второй аспект — служение людям, облегчение их жизни.

— Чрезмерное облегчение жизни порой портит людей: мы расслабляемся, становимся ленивыми, что ведет, в свою очередь, к потере нравственных опор. Получается научно-технический прогресс и комфортная жизнь ведут нас в тупик?

— Есть такое понятие, как самоограничение — чтобы быть счастливым, надо от чего-то отказываться.

— Смотря что понимать под словом «счастье»...

— Для меня и моих близких — это духовное совершенство, нахождение смысла жизни. Мы знаем много случаев, когда человек имел все что хотел из материального, но все равно оставался недоволен жизнью и заканчивал самоубийством, потому что ему некуда было больше стремиться.

— А духовное совершенство бесконечно?

— Мы все знаем, что счастья много не бывает — здесь, на Земле, оно скоротечно, уходит и не возвращается. А духовная радость неисчерпаема — как неисчерпаемо и познание природы. Так устроен мир.

Кстати, именно вера в Бога является основным маяком для того, чтобы направить научно-технический прогресс в правильном направлении, использовать его блага не во вред человеку. Вот скажите, какая сила, кроме загробного воздаяния, может остановить алчных предпринимателей, которые осуществляют бездумные масштабные вырубki лесов, или испытателей смертоносного оружия на людях?

— Теперь вопрос, который задают многие, в том числе и я: за что на Земле порой страдают невинные дети?

— Это вопрос зла в мире, вопрос, на который нет простого ответа. Помните у Достоевского: «Все сокровища мира не стоят слезинки маленького ребенка». Есть какие-то вещи, которые не поддаются рациональному знанию, но которые в конце жизни человек все-таки понимает. Солженицын сказал: «Благодарю тебя, тюрьма». Что-то подобное было и у Достоевского (это два моих любимых писателя). Тюрьма — это зло, но на закате жизни они поняли, что это именно она сделала их такими, какими они стали.

— Видели ли вы в своих научных исследованиях доказательство божественного? Может, вы молились, чтобы вам открылась какая-нибудь загадка природы, и это случилось?

— Понимаете, для верующего человека сама красота природных структур уже является чудом. Одно и то же событие: верующий человек видит в нем чудо, а неверующий — не видит. Верующий возносит это к Творцу, его внутренний восторг обоснован тем, что ему открылся Божий промысел. Чувство озарения, это и есть откровение. А вот как неверующий объясняет чувство глубокого внутреннего удовлетворения, даже восторга, от познания истины, я не знаю.

— Считается, что природа все устроила, случайно.

— Как-то вдруг, само собой, стало все красиво и совершенно до единой молекулы в геномах у маленькой мухи и человека? (Смеется.) Это невозможно даже с точки зрения теории вероятности. Христианство говорит: мир земной — есть отражение мира Горнего (небесного. — Прим. авт.). Хоть он и поврежден первородным грехом, но несет на себе отражение мира божественного. У Владимира Соловьева, русского поэта XIX века, есть такое стихотворение:

Милый друг, иль ты не видишь,

Что все видимое нами —

Только отблеск, только тени

От незримого очами.

Милый друг, иль ты не слышишь,

Что житейский шум трескучий

Только отзвук искаженный

Торжествующих созвучий?

— Коль уж мы заговорили про генетиков... Церковь, насколько я знаю, выступает против всевозможных опытов с геномом человека. К примеру, научно-этическая комиссия,

которая собиралась в позапрошлом году в одном столичном медицинском вузе, вынесла вердикт против рождения детей от трех родителей. Но ведь генетики в этом смысле тоже могут, как и вы, сказать, что они подобно Богу-Отцу пытаются творить нового человека. Что вы на это скажете?

— Есть священные пределы, за которые человеку заходить нельзя. Даже в личном общении между людьми есть сокровенные темы, которых не принято касаться в обычном разговоре. К этому относится все связанное с тайной личности, тайной человеческой души. Здесь человек не может распоряжаться как у себя дома, так как это выше его понимания. Мы не знаем толком даже самих себя — как же мы можем творить себе подобных?

— В вашем Научном центре наверняка есть генетики, что же вы им скажете, когда вас утвердят в новой должности?

— Отменить опыты я бы не смог, поскольку это сфера действия российского законодательства. Мне кажется, что генная инженерия, а точнее, терапия, имеет право на существование, если речь идет о лечении человека. Но создание химер вряд ли оправданно, да к тому же еще и опасно.

— В честь вас Международная ассоциация минералогов назвала новый минерал — «кривовичевит». Кто его нашел и что он собой представляет?

— Это самый красивый минерал, сульфат алюминия и свинца, который нашли мои кольские коллеги. Они-то и сагитировали меня выдвинуть свою кандидатуру в председатели центра.

— Расскажите о детях. Какие у них интересы, хватает ли времени на общение с ними?

— Старший сын уже живет отдельно, занимается компьютерными технологиями, второй сын окончил Педагогический институт им. Герцена, факультет управления, дочка учится в СПбГУ на реставратора, еще одна дочка в этом году блестяще сдала ЕГЭ, будет поступать на химический факультет, дальше есть два школьника и девочка-дошкольница.

— Что входит в ваши церковные обязанности?

— Дьякон — это священный сан. Я должен быть в храме по воскресным дням и по праздникам. Вот сейчас с вами договорю и поеду на службу в храм служить вечерню

накануне празднования Дня святых апостолов Петра и Павла.

— А как быть, если служба в храме пересечется с важным научным мероприятием?

— Приходится делать выбор — где я нужнее. Как правило, оказывается, что на научных мероприятиях.

— Вы хотите продвигаться выше по религиозной стезе?

— Да, хочу. Я являюсь соискателем степени кандидата богословия Санкт-Петербургской духовной академии. Правда, как следует заняться своей темой, времени не хватает.

— Не поделитесь темой кандидатской?

— Религиозные воззрения верующих ученых XX–XXI веков, т.е. наших с вами современников. На эту тему мной написана популярная книга «Наука верующих или вера ученых: век двадцатый». Для окончания работы необходимо написать еще несколько научных статей именно по этой тематике. Так что есть чем заняться долгой полярной ночью в Апатитах. Хотя боюсь, что в этом году будет не до этого.

Беседовала Наталья Веденеева

Источник: МК

<http://pravoslavie.ru>

21 июля 2017 г.